

И это никогда не прекратится. Даже будучи женатым, он продолжал бы чувствовать это. Он до конца жизни будет чувствовать запах плодородия каждой проклятой ведьмы, несмотря на бесконечно малую вероятность того, что в ближайшем будущем появится Омега.

Единственными, кого он знал, были Молли Уизли и его бабушка.

Все это раздражало и не давало покоя. Но с этим можно было справиться.

Точнее, с ним можно было справиться, пока он не совершил ошибку, поговорив с Грейнджер четыре дня назад.

С самого начала учебного года она казалась какой-то не такой. Непостоянной. Она вбегала в Большой зал и с аппетитом поглощала еду, а потом снова убегала. Ее никогда не было в библиотеке. Она перестала отвечать на вопросы на уроках. Когда она взорвала котел на зельеварении, ее больше расстроило то, что несколько мальчиков в классе громко ругались от удивления, чем то, что на нее капала слизь из мозга ленивца.

Все это было настолько необычно, что Драко захотелось выяснить причину, как будто свидетельство на его суде сделало жизнь Грейнджер его делом.

Каким-то образом его мозг решил, что отличным способом проверить ее будет агрессивное приближение к ней до тех пор, пока она, спотыкаясь, не отступит назад, пытаясь убежать от него.

Видя, как она пугливо и широко раскрывает глаза, что-то внутри него зашевелилось, и вместо того, чтобы поступить логично, отойти и дать ей свободу, он решил подойти ближе.

В процессе этого он обнаружил, что Грейнджер пахнет не персиками.

Она пахла так, что он даже не смог бы это описать. Божественным. Ему сразу же захотелось узнать, будет ли она такой же вкусной, если он ее лизнет.

У него сложилось впечатление, что, если он ее поцелует, она перестанет выглядеть испуганной. Потому что, если мальчик годами издевался над девочкой, а потом попытался ее поцеловать, ей это понравится, и она не попытается тут же кастрировать его посреди коридора.

Чтобы не наделать глупостей, которые могут привести к прекращению рода, Драко повернул хвост и скрылся в своей комнате.

Он все еще не мог этого понять.

Ему было интересно, может, магглорожденные просто пахнут по-другому?

У него не было возможности выяснить, был ли этот запах свойственен Грейнджер или магглорожденным. Большинство магглорожденных бежали во время войны. Единственные магглорожденные ведьмы в Хогвартсе, не считая Грейнджер, были первокурсниками. Если у кого-то из них уже наступило половое созревание, он, честно говоря, не хотел этого знать.

Что касается поцелуев, то он и сам не знал, что на него так внезапно нашло в отношении Грейнджер. Необъяснимое и непреодолимое влечение к ней было ужасно плохой идеей. Настолько плохой, что он мог бы легко составить гистограмму, иллюстрирующую различные причины этого. В первую очередь это касается того момента, когда он семь лет издевался над ней, был Пожирателем смерти и когда его безумная тётя почти час пытала её в гостиной, а он стоял и смотрел.

Он вздрогнул и попытался заблокировать воспоминания с помощью окклюменции. Из всех моментов войны это воспоминание преследовало его больше всего. Оно постоянно снилось ему в кошмарах. А иногда он клялся, что до сих пор слышит ее плач, когда остается один.

Когда он сидел в коридоре и пытался отгородиться от воспоминаний, ему казалось, что он их слышит. Беспомощные мучительные рыдания. Они словно впились в его барабанные перепонки, и он был не в силах от них избавиться.

Он застонал и ударил себя по лбу учебником арифметики.

К послевоенной травме добавились галлюцинации.

Он готов был поклясться, что звук был реальным. Слабые причитания, отражающиеся от стен коридора.

Он стиснул зубы и заставил себя продолжить чтение.

Через полчаса он почувствовал себя на грани потери рассудка. Рыдания были почти неразличимы, но звучали реально. Они то затихали, то внезапно возобновлялись. Каждый раз это было похоже на то, как будто в него втыкают нож, а потом выкручивают. Его одолевало желание спасти ее.

В том, что после окончания войны в нем внезапно проснулось рыцарское чувство, была горькая ирония.

К сожалению, инстинкты альфы не могли убедить его в том, что это не настоящие крики. Сколько бы он ни твердил себе, что эти звуки - галлюцинации, он не мог рационализировать растущую потребность откликнуться на них.

Он сжал челюсти и продолжил перечитывать одну и ту же страницу домашнего задания по арифметике.

Наконец он больше не мог этого выносить. Казалось, что его постоянное желание сидеть и читать неуклонно разрушает нечто, присущее его натуре. Ему казалось, что он сходит с ума от этого.

Он со злостью запихнул книгу в свой ранец и отправился доказывать самому себе, что Грейнджер на самом деле не плачет от боли где-нибудь в заброшенном крыле Хогвартса.

Он быстро зашагал по коридору в направлении звука. Дойдя до конца коридора и повернув налево, он чуть не споткнулся, когда понял, что звук стал громче.

На мгновение он замешкался, раздумывая, стоит ли ему идти за помощью. Геройство было не в его вкусе.

Но может пройти не один час, прежде чем он найдет профессора или префекта, который поверит ему и придет. Ему пришлось бы повернуться и уйти, направившись в противоположную сторону от того места, где плакала Грейнджер. Мысль о том, чтобы вообще уйти от нее, была слишком ужасной, чтобы даже рассматривать ее.

Он перешел на бег.

Ей было больно. Она была где-то одна. Он должен был немедленно добраться до нее.

Это было все, о чем он мог думать.

Отчаянная потребность найти ее, добраться до нее - все это мешало ему думать о чем-то еще.

По мере того как он продвигался дальше по коридору, ее плач становился все слабее. Он повернулся и пошел обратно. Он ходил туда-сюда, пока наконец не набрел на то место, где почти неразличимый звук казался самым громким.

Там были палаты. Целая гора. Отталкивающие. Заглушающие заслоны, ослепляющие и разочаровывающие. Усилием воли он пробился сквозь них, пока наконец не нашел дверь, мимо которой проходил уже дюжину раз. Она была заперта с обеих сторон.

Кто бы ни спрятал Грейнджер, он приложил немало усилий, чтобы ее не нашли.

Они заточили ее в тюрьму.

Они пытали ее.

В Хогвартсе.

Драко, наверное, стало бы плохо, если бы он не был так занят своей яростью.

Он собирался убить их. Кем бы они ни были, он собирался разорвать их на части, а потом с улыбкой на лице отправиться в Азкабан. Неважно, что они с Грейнджер не были друзьями.

Ее пытали в его доме, а он стоял и смотрел. А потом она добровольно дала показания в его пользу.

Он был в долгу перед ней.

Он нашел ее только потому, что знал, как звучат ее рыдания. Их интонация была вытатуирована в его мозгу. В комнате, наполненной рыданиями, он смог бы отличить Грейнджер от любой другой ведьмы.

<http://erolate.com/book/4138/120421>